

С.С. Жданов

**ГРАНИЦЫ ГЕРМАНИИ И ГЕРМАНИЯ КАК ГРАНИЦА:
ОБРАЗЫ ЛИМИНАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА
В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ КОНЦА XVIII –
НАЧАЛА XX в.**

Рассматриваются пространственные образы границ Германии, представленные в русской словесности конца XVIII – начала XX в. Лиминальное пространство между Германией и Россией предстает не только как пункт, достигнув которого, повествователь / герой оказывается в новом инонациональном пространстве, но и как синкретичный локус со смешением черт Своего и Чужого, обеспечивающий постепенный переход от Своего к Чужому. Кроме того, сама Германия в целом может рассматриваться как транзитное медиативное пространство на пути в иные страны Западной Европы. Отмечены также мотивы топофобии и топофилии, связанные с вхождением в немецкое пространство.

Ключевые слова: Германия, герои-немцы, граница, лиминальность, образ Чужого, художественное пространство, травелог, русская литература.

Проблема лиминальности, т.е. пограничности и переходности, в приложении к культурному пространству, весьма часто становится предметом анализа в современной гуманитаристике. Так, в частности, Л. Вульф рассматривает Восточную Европу как некую «промежуточную культурную зону» [1. С. 39] в сознании западноевропейцев, разделяющую Запад и Восток. Среди отечественных работ по проблематике лиминальности, в том числе пространственной, можно отметить исследования В.И. Тюпы [2], В.Е. Багно [3], В.В. Мароши [4], С.Н. Якушенкова [5], В.Ф. Стениной [6]. Также Ю.М. Лотман уделяет значительное внимание амбивалентной сущности границы, одновременно разделяющей и соединяющей семиосферы: «Она всегда граница с чем-то и, следовательно, одновременно принадлежит

обеим пограничным культурам, обеим взаимноприлегающим семиосферам» [7. С. 183]. Соответственно, с точки зрения пространственного членения она может рассматриваться как особый переходный спатиум. При этом «координаты» внешнего, внутреннего и пограничного не являются чем-то застывшим в культуре, поскольку «то, где проходит граница данной культуры, зависит от позиции наблюдателя» [8. С. 16]. Одним из характерных вариантов такого наблюдателя выступает путешественник, являющийся носителем лиминальности, поскольку, как указывает П.А. Чеснялис, «странничество – лиминальная ситуация, в которой субъект, отказавшийся от жизни в определенном пространстве, не теряет связи с людьми...» [9. С. 178]. По мнению С.А. Козлова, «самой природе путешествия» свойственно «разрушение границ, барьеров, языковых, этнических и расовых преград, осознание себя частью многоликого пространства и стремление к его познанию» [10. С. 142]. Таким образом, «пересекая границы», путешественник, согласно А. Шенле, «становится своего рода средним звеном между двумя символическими системами и поэтому может перемещаться вперед и назад, играя роль и переводчика, и посредника» [11. С. 24]. С точки зрения пространственности, представленной в литературных текстах, граница выступает семиотически значимым локусом между двумя разноустроенными пространствами Своего и Чужого, переходы наблюдателя между которыми тем или иным образом маркированы в повествовании.

Данная работа посвящена проблематике Германии как лиминального пространства в текстах русской словесности конца XVIII – начала XX в. В определенном смысле немецкие культура и пространство были в рассматриваемую эпоху теми медиаторами, которые связывали Россию с Западной Европой, между которыми формировалось пространственно-смысловое «поле напряжения». Германские земли, благодаря своему географическому соседству с границами Российской империи, выступали либо транзитными, либо конечными пунктами путешествия в Европу. В любом случае непосредственный контакт русских с Западом нередко происходил в Германии, служившей своего рода «визитной карточкой» Западной Европы, воплощением инокультурного пространства. Как пишет Н.Г. Морозова, в XVIII в. земли Германии становятся «одним из ос-

новых направлений» «европейских путешествий русских» [12. С. 9]. В аналогичном ключе высказывается Т.А. Филиппова, замечая, что «Германия... по традиции предстает как первая страна Европы, куда попадали русские путешественники... синоним Европы и всего, что с ней связано...» [13. С. 123]. Таким образом, если балтийские земли, присоединенные к империи Петром I, маркируются как «окно в Европу», то Германия выступает ее «воротами».

В связи с этим заслуживает внимания реконструируемая по заграничным письмам Д.И. Фонвизина модель переосмысления «настоящей» Европы как некоего эмоционально возвышенного, окруженного ореолом священности, благого локуса в представлении русских людей. «Подлинная» Европа открывается для автора писем только с момента въезда в Лейпциг, а все немецкие земли, увиденные Д.И. Фонвизиним ранее, упомянуты лишь в силу таящихся там препятствий и неприятностей, которые необходимо преодолеть, чтобы проникнуть в совсем иной, непохожий на русский, мир: «...проехав из Петербурга две тысячи верст, дотащились мы, можно сказать, только до ворот Европы. Лейпциг есть первый город, который заслуживает примечание» [14. С. 508]. Но надежды увидеть «истинную» Европу, т.е. ощутить в полной мере соответствие реальности представлениям о ней в русском обществе, неоднократно оборачиваются фрустрациями. Тот же Лейпциг в реальности оказывается не полной мере европейским, и встреча с Европой снова переносится, в данном случае до Нюрнберга: «...от Петербурга до Ниренберга баланс со стороны нашего отечества перетягивает сильно. Здесь во всем генерально хуже нашего: люди, лошади, земля, изобилие в нужных припасах – ...у нас все лучше, и мы больше люди¹,

¹ Возможно, эта оценка «масштабов» человечности немцев и русских косвенно коррелируется с восприятием Д.И. Фонвизиним масштабов немецких земель, не объединенных в его время в единое государство. Так, он пишет: «Из Франкфурга ехал я по немецким княжествам: что ни шаг, то государство. Я видел Ганау, Майнц, Фульду, Саксен-Готу, Эйзенах и несколько княжеств мелких принцев» [14. С. 455]. В этом фрагменте значение принцев увязывается с размерами управляемой ими территории. Литота «что ни шаг, то государство» делает «лоскутное» пространство Германии суженным, состоящим из одних границ, недосубстанциональным, «ненастоящим». Привычка к российским просторам чувствуется исподволь и в оценках В.Н. Зиновьева, называющего правителя

нежели немцы» [14. С. 508], т.е. немцам, по сути, автор отказывает в антропной субстанциональности. Даже «реально» существующая Франция, которую посетил Д.И. Фонвизин во время путешествия, тоже не совпадает с образом Запада, сконструированным воображением автора, и превращается в симулякр: «Я думал сперва, что Франция, по рассказам, земной рай, но ошибся жестоко. Все люди, и славны бубны за горами!» [14. С. 423], т.е. оказывается, что автор писем так и не может достичь своей, «настоящей» Европы.

Таким образом, авторская позиция Д.И. Фонвизина отмечена феноменом культурной центрации. При этом пространственным центром выступают Санкт-Петербург и русские земли, с которыми неизменно сопоставляется пространство Другого. Город на Неве здесь является не только столицей государства, но и воплощением русскости, средоточием «своего» пространства. Сопоставьте с фрагментом у Ф.П. Лубяновского: «...иностранец [т.е. в данном случае русский за границей. – С.Ж.] нигде не найдет другой Москвы и Петербурга» [16. С. 17]. В какой-то мере путешествие Д.И. Фонвизина можно уподобить секуляризованному варианту паломничества за истиной в Святую землю, которое в итоге десакрализирующему пространство Запада, оказавшееся, с позиции автора, в каком-то отношении хуже, в каком-то – лучше родного отечества, однако в общих чертах представляют собой такие же земли, как и многие другие.

В фонвизинском тексте уже заданы существенные лейтмотивы описания немецкого пространства. Первый из них – промежуточное положение Германии² в топосной триаде «Россия – Германия – Западная Европа». Причем последний элемент нередко олицетворяет собой Франция как эталон западноевропейскости, с которым сравниваются иные культурные пространства. Сравните, например, с ироническим высказыванием о Германии в путевом дневнике В.Н. Зиновьева: «Живут здесь так же, как и у нас, и как я себе воображаю, и везде. Франция, как флигельман, начинает. А мы, то есть

Касселя «маленьким»: «...для такого маленького князя собрание [музейное. – *Авт.*] довольно изрядно...» [15. С. 349].

² Как пишет Д. Херрманн, фонвизинские «ожидания» «направлены на Францию», претендующую «быть центром мира» [17. S. 429–430], отсюда «незначительное внимание к транзитной стране» (Германии) (перевод с нем. наш. – С.Ж.).

европейские народы вообще, как рядовые, все слепо и с крайним подобострастием перенимаем» [15. С. 337]. Галломания здесь предстает как общеевропейская тенденция, которой следуют и Германия, и Россия, что превращает топосную триаду в бинарную оппозицию «Франция – остальная Европа (в том числе и Россия)». Это пример демонстрирует высокую подвижность семиотической границы, которая может приводить к возникновению весьма прихотливых вариаций, обусловленных культурными установками авторов. Такова, в частности, символика пограничного Петербурга, который в текстах русской культуры выступает то как «свое» (русское), то как «чужое» (иностранное, нередко именно немецкое) пространство. Это, в свою очередь, может приводить к синкретизации русского и немецкого пространств. Так, в путевом очерке «Зимние заметки о летних впечатлениях» Ф.М. Достоевский, попадая в Берлин, замечает, что здесь не ощущается момент пересечения границы между Своим и Чужим: «...Берлин до невероятности похож на Петербург. Те же кордонные улицы, те же запахи <...> стоило ж себя двое суток в вагоне ломать, чтоб увидеть то же самое, от чего ускакал?» [18. С. 47].

Другой лейтмотив касается оценки немцев, которым, напомним, Д.И. Фонвизин приписывает меньшую степень антропности по сравнению с русскими, придавая тем самым данной характеристике оттенок градуальности, когда изменения значения «человечности» подобны пространственным перемещениям путешественника-наблюдателя. Срединность германских земель метонимически переносится на описание населяющих их людей, что актуализирует образ немца, превратившегося, если использовать музилевскую метафору, в «человека без свойств». Подобное представление о немцах в низовой культуре отмечает этнограф XIX в. С.В. Максимов, передавая мнение русского матроса: для последнего «немцы были что-то среднее, межеумок, как бы переход к другим народам, которых, однако, Ершов не признавал за людей...» [19. С. 14]. Как интерпретирует данный фрагмент С.В. Оболенская, эти «слова все-таки отражают... факт, что представление о немцах как о людях четко обозначенной и отделенной от других групп нации, живущих на собственной земле, было среди русских необразованных людей весьма смутным» [20. С. 28–29].

Мотив срединности немцев обнаруживается и в рассуждениях щедринского Мальчика без штанов, обвиняющего данную нацию во

вторичности и посредственности: «...ваша наука все-таки второго сорта, ваше искусство – тоже, а ваши учреждения – и подавно» [21. С. 41]. Также в щедринском тексте при описании берлинской жизни упоминается свойственное тому времени «шизофреническое» сочетание неприятия немцами французов и одновременно тайной галломании, проявляющейся в желании подражать «парижским веселостям»: «...завести и у себя что-нибудь a t'instar de Paris» [21. С. 53]. Париж рассматривается здесь в качестве законодателя и эталона, а Берлин – в роли подражателя и суррогата: житель Берлина «заводит шарaban mit einem ganz noblen Lakai и хвастается: wir haben unsere eigenen gamins de Paris!» [21. С. 54]. В силу своей вторичности щедринский Берлин лишен субстанции-«самости». В столице Германии нельзя услышать особого «гула», «напоминающего пчелиный улей (такой гул слышится... всегда – в Париже)...» [21. С. 50]. Даже в своей теневой стороне Берлин уступает Парижу, характеризуясь «каким-то второразрядным развратом, безобразный цинизм которого тщетно усиливается затмить красивый и шеголеватый парижский цинизм» [21. С. 50].

В травелогe А.Т. Аверченко «Экспедиция в Западную Европу Сатириконцев: Южакина, Сандерса, Мифасова и Крысакова (1911)» немецкая обывательская усредненность еще более акцентирована. По словам рассказчика, «в чистоплотности немцы уступают англичанам, в вежливости – итальянцам, в веселости – французам, в милосердии – русским (и славянам вообще)». Честность же данной нации происходит из-за «недостатка воображения» [22. С. 321]. Более того, немцы со своим «инертным» проявлением честности оказываются уподоблены автором представителям даже не животного, а растительного мира: «Ни один огурец не сделал в течение своей жизни ни одной подлости или мошенничества; следовательно, огурец следует назвать честным?» [22. С. 321]. Усредненность характерологических свойств филистера достигает кульминации в описании «среднего немецкого мужчины», который «не имеет ни страданий, ни сомнений, ни очень возвышенных, ни очень низменных чувств» [22. С. 323].

Во многом противоположным фонвизинскому по тональности и европоцентричности является травелог Н.М. Карамзина «Письма русского путешественника», задающий иную традицию описания

путешествия по немецким землям. А.Н. Балдин, характеризуя «германский» фрагмент произведения, уподобляет маршрут повествователя знакомству с первыми «буквами» европейского логоса: «Похоже, Карамзина влечет не просто Запад, но некое идеальное начало текста, которое ему надо прочитать целиком, с первой буквы. Начало – на странице слева; Карамзин отыскивает на карте Европы первую букву... Так, буква за буквой, он добирается до Лейпцига, бумажной столицы, источника слов...» [23. С. 75].

При этом в описании встречи с Другим у Н.М. Карамзина также присутствует градуальность. Но, в отличие от ситуации в фонвизинском тексте, карамзинский герой сталкивается с Другим еще до официального пересечения границы Германии, т.е. условно на своей территории. Таким лиминальным пространством выступает часть Прибалтики, относившаяся к Российской империи и считавшаяся пограничной зоной между немецким и русским мирами. Ее воспринимали как еще не Германию, но уже не во всем Россию. Во всяком случае, слова «немецкий» и «немцы» используются в описании данной территории для характеристики местной почты: «Почта от Нарвы до Риги называется Немецкою, для того, что Коммисары на станциях Немцы» [24. С. 8]. Присутствие немецкости отмечается и в языке: «Языки их [эстляндцев и лифляндцев. – *Авт.*] сходны; имеют в себе мало собственного, много Немецких, и даже несколько Славянских слов» [24. С. 9]. Преобладание немецкого начала (в денежном и языковом аспекте) подчеркивается при описании Риги: «Везде слышишь Немецкой язык – где-где Руской – и везде требуют не рублей, а талеров» [24. С. 10]. Так же двойственно изображается и Нарва: «Немецкая часть Нарвы, или собственно так называемая Нарва, состоит по большей части из каменных домов; другая, отделяемая рекою, называется Ивангород. В первой все на Немецкую статью, а в другой все на Рускую» [24. С. 9]. Поэтому неудивительно, что Н.М. Карамзин прибегает к эффекту остранения, используя оксюморонное выражение, маркирующее чуждость данной российской территории, которая фактически чрезмерно далека от родного, «своего» пространства русского путешественника: «Я еще не выехал из России, но давно уже в чужих краях, потому что давно с вами расстался» [24. С. 10].

Но первое «настоящее» знакомство с заграницей у героя Карамзина происходит в Курляндии. Русский путешественник размышляет

о попадании в пространство Другого, отмечая психологическую важность данного факта: «Мы въехали в Курляндию – и мысль, что я уже вне отечества, производила в душе моей удивительное действие. На все, что попадалось мне в глаза, смотрел я с отменным вниманием, хотя предметы сами по себе были весьма обыкновенны. Я чувствовал такую радость, какой со времени нашей разлуки... еще не чувствовал» [24. С. 10–11].

Эффект остранения создается в результате попадания героя в чужое пространство, где «весьма обыкновенное» воспринимается не так, как прежде. Само путешествие провоцирует «дерутинизацию образа жизни»: «Дорога позволяет по-иному взглянуть на привычные вещи и отношения, она помогает видеть то, что обычно составляет фон человеческого существования» [25. С. 350]. Одновременно с этим начальные этапы пути русского путешественника по Германии характеризуются, как явствует уже из вышеприведенных слов Карамзина, особой «сентиментальной экзальтацией», сосредоточенностью «путешественника на эмоциональном состоянии чувствительной души, вырванной из контекста привычных связей и образа жизни» [26. С. 15]. Карамзинский герой особенно остро переживает ситуацию лиминальности, как в плане попадания в земли Чужого, так и оставления пространства Своего: «Расстался я с вами, милые, расстался! <...> Сколько лет путешествие было приятнейшею мечтою моего воображения? Не в восторге ли сказал я самому себе: наконец ты поедешь? <...> Но – когда пришел желаемый день, я стал грустить, вообразив в первый раз живо, что мне надлежало расстаться с любезнейшими для меня людьми в свете и со всем, что, так сказать, входило в состав нравственного бытия моего» [24. С. 5].

Необходимо отметить, что карамзинский мотив преувеличенно чувствительного переживания (аффектированной печали) в момент пересечения границы между Своим пространством и Чужим (разлуки со своим пространством и проникновения в чужой локус) превратится в последующем (начиная с 1840-х гг.) в русской литературе в некий штамп, общее место. Например, И.П. Мятлев, описывая в своих «Сенсациях...» сцену отплытия своей героини от родных берегов (госпожа Курдюкова, «пригорюнясь об отчизне», вспоминает свою жизнь в России [27. С. 12]), трагически обыгрывает, на наш взгляд, вовсе не романтическую, а более раннюю, сентименталистскую, тра-

дицию, заложенную в «Письмах русского путешественника» Н.М. Карамзина. Аналогичная сцена отплытия из России описана также в тексте Н.А. Корсакова, причем повествователь напрямую отсылает читателей к произведению Карамзина: «Видя возвращающихся, мне так грустно стало, что выкатилось несколько слез, – и это тогда, когда выполнялось мое нетерпеливое желание. Н.М. Карамзин правду сказал: “о сердце! Кто знает, чего ты хочешь”» [28. С. 12]. Позднее авторы «Свистка», который, в том числе, стал продолжателем мятлевской сатирической традиции, сходным образом изображают отъезд русского барина в Германию: «Я сел на пароход и уронил за борт горячую слезу, невольный дар отчизне...» [29. С. 141].

Аллюзия на карамзинские «Письма...» может быть обнаружена и в описаниях госпожой Курдюковой ее первых впечатлений от прибытия на немецкую землю, где чужеродность локуса представлена весьма тривиальными объектами, такими как немецкие коровы и трава: «...берег Травемюнда... Я в немецкой стороне! Для меня все вещи новы: и немецкие коровы, и немецкая трава! Закружилась голова; вне себя от восхищенья... все предмет мне удивленья!» [27. С. 15–16]. Аналогичный мотив эмоционального подъема в момент перехода границы можно отметить и у Н.А. Корсакова: «...увидел я издали Немецкую деревушку; с белыми домиками и красными черепичными крышами. Долго не быв в чужих краях <...> Я почувствовал хотя не веселость, но какую-то приятность» [28. С. 13].

В «Зимних заметках о летних впечатлениях» Ф.М. Достоевского пересечение границы между Россией и Западом становится объектом особых размышлений рассказчика. Границы этой рефлексии определяются литературной традицией и располагаются между двумя полюсами, первый из которых обозначили Карамзин, «становившийся на колени перед рейнским водопадом» [18. С. 48] (иначе говоря «Письма русского путешественника»), и, в целом, западники-галломаны: «Помню я тогда, лет пятнадцать назад, когда я знал Белинского, помню, с каким благоговением, доходившим даже до странности, весь этот тогдашний кружок склонялся перед Западом, то есть перед Францией преимущественно» [18. С. 50].

Другой полюс фиксирует скептическое отношение к французам и за границе вообще, в частности, встречаемое у Д.И. Фонвизина. В поле напряжения между этими карамзинским и фонвизинским модусами

восприятия оказывается повествователь «Зимних заметок», пересекая по железной дороге границу с Западом в германском городе Эйдткунене³: «...я теперь сижу в вагоне и przygotowляюсь на завтра к Эйдткунену, то есть к первому заграничному впечатлению...» [18. С. 51].

При этом описания предощущения встречи с Европой у героя Достоевского по яркости и силе сопряженных с ним эмоций аналогичны изображению тяготения карамзинского героя к пространству Чужого: «За границей я не был ни разу; рвался я туда чуть не с моего первого детства...» [18. С. 47]; «...у меня подчас даже сердце вздрагивает. <...> увижу наконец Европу, я, который бесплодно мечтал о ней почти сорок лет...» [18. С. 51]. Как и в произведении Н.М. Карамзина, отмечается заочная, «книжная» форма приобретения знаний о Чужом: повествователь уносился в мечтах о путешествии за границу «...еще тогда, когда в долгие зимние вечера, за неумением грамоте, слушал, разиня рот и замирая от восторга и ужаса, как родители читали на сон грядущий романы Радклиф...» [18. С. 47].

Вместе с тем у Ф.М. Достоевского этот мотив тоски по Чужому снижается, преподносится как способ обыкновенного, банального книжного знакомства: «Кому из всех нас русских (то есть читающих хоть журналы) Европа не известна вдвое лучше, чем Россия?» [18. С. 47]. По сравнению с карамзинской в «Зимних заметках...» ситуация представлена иначе. Русский путешественник «Писем...» определяет себя именно как россиянина, представителем всей России в коммуникации с иностранцами. У Ф.М. Достоевского просвещенная публика отделена от России, не знакома с ней. В этом смысле собственная страна для образованного русского является, согласно автору, в большей мере пространством Чужого, чем Запад.

Относительно же самой Германии следует сказать, что описание ее пространства сходно по типу с фонвизинским, а не карамзинским. Повествователь так бесконечно долго предвкушал встречу с «той», своей Европой, что, столкнувшись в Германии «не с той» страной, которая воображалась ему, он спешит как можно быстрее с ней расстаться. В сущности, вся Германия представляется повествователю пограничьем

³ Этот немецкий пограничный город является неизменным лиминальным локусом, упоминаемым при путешествии в Германию по железной дороге в отечественных травелогах.

Европы. Этому транзитному восприятию немецкого пространства способствует также скорость перемещения по железной дороге. Во второй главе, названной «В вагоне», повествователь лишь мимоходом сообщает сначала о приближении к германскому пограничному локусу, Эйдткунену, чтобы, закончив рассуждать о России и Западе, в финале третьей главы, словно спохватившись, засвидетельствовать факт того, что немецкие земли уже остались позади: «Куда я заехал? <...> Ведь мы только к Эйдткунену подъезжаем... Аль уж проехали? И вправду, и Берлин, и Дрезден, и Кельн – все проехали. ...уж перед нами не Эйдткунен, а Аркелин, и мы въезжаем во Францию» [18. С. 63].

Соответственно, Германия в тексте Ф.М. Достоевского выступает как пустое, семиотически малозначимое, транзитное пространство, отгесняемое на задний план русскостью и квинтэссенцией Запада – французскостью. Кроме того, карамзинский мотив эмоционального подъема при пресечении границы в «Зимних заметках...» перенесен в пространстве и времени. Повествователь переживает этот подъем заранее, еще в России, а момент действительного попадания в Европу эмоционально ослаблен пространственными рассуждениями, характеризующими смену восприятия Западной Европы: ранее маркируемая как «страны святых чудес», она лишается ореола сакральности.

В тексте К.А. Скальковского «Воспоминания молодости» (фрагменте, относящемся к концу 1860-х гг.) актуализируется исподволь еще один мотив пересечения границы Германии – как раздела между Россией и Западом, где путешественник чувствует большую степень свободы⁴: «В Эйдткунене и я испытал то знакомое всем чувство, когда в первый раз переезжаешь государственную границу. В то время чувство было сильнее, каждому казалось, что вас выпускают из клетки» [30. С. 277]. В другом травелоге того же автора – «Путевые впечатления в Испании, Египте, Аравии и Индии» – содержится напоминающий фонвизинское описание фрагмент, в котором пространство меж-

⁴ В данной статье мы не останавливаемся подробно на описаниях границы между Францией и Германией. Этот вопрос требует отдельного рассмотрения. Отметим лишь, что синкретичность прирейнских областей обеих стран несомненно отмечается русскими авторами. Так, Д.И. Фонвизин пишет о Мангейме: «...ближнее соседство с французами сделало то, что в мангеймских немцах гораздо менее национальности, нежели в других» [13. С. 455].

ду Германией и Петербургом маркируется как безвидное, скучное, семиотически незначимое: «Без особых приключений проехали мы неизмеримо скучное пространство, отделяющее Эйдкунен от Петербурга...» [31. С. 198]. Но и дальнейшие немецкие локусы Германии маркируются автором мотивом скуки: «Эйдкунен – местечко, интересное только для контрабандистов...»; «Что сказать нового о бильярдном поле, называемом Пруссией? Зимой оно кажется еще скучнее, а Берлин, будь Германская империя в десять раз длиннее и шире, останется тем же невозможно скучным и несносным Берлином...» [31. С. 198]. Таким образом, вся страна, как и в тексте Ф.М. Достоевского (и Д.И. Фонвизина), становится одним транзитным пространством на пути во Францию.

Подобие того, как в карамзинских «Письмах...» граница между русским и немецким оказывается размыта и герой произведения сталкивается с немецким еще в формальных пределах российского пространства, встречается также в травелоге К.А. Скальковского «Там и сям». В нем автор изображает «пограничную» Курляндию, которая в 1795 г. вошла в состав российской империи, но и к началу XX в. не стала фактически «своим» пространством: «Своим пейзажем Курляндия напоминает Восточную Пруссию...» [32. С. 194]. Также в списках местного аристократического собрания числятся в основном бароны с немецкими фамилиями («Фирксы, фон-ден-Бригены, Остенсакены и т.д.») [32. С. 196], происходящие «почти исключительно из Вестфалии, Померании и Саксонии» [32. С. 197] и не желающие «говорить по-русски» [32. С. 199]. Даже кучеры баронов одеты «по-немецки» [32. С. 198]. Местные же крестьяне также мало обрусели и даже не вполне онемечились: «...по-русски не говорят, а часто не понимают здесь и по-немецки...» [32. С. 199].

Сатирическое обыгрывание локуса немецкой границы обнаруживается в путевых заметках М.Е. Салтыкова-Щедрина «За рубежом». Впрочем, эта граница, как и в карамзинском тексте, является градуально растянутой ввиду того, что «свой» (польский) город Вержболово уже отмечен амбивалентностью: он воспринимается как «чужой» исходя из ономастической двойственности, зафиксированной в авторской ремарке о том, что «немцы уж называют его Wirballen...» [21. С. 12]. Тем не менее Вержболово – все еще «свое» пространство, которое никому из русских путешественников не интересно. Зато по

достижении немецкого Эйткунене все «тотчас же бросились к окнам и начали смотреть» [21. С. 13]. Данный эпизод перекликается с содержанием экспрессивного монолога рассказчика из карамзинских «Писем...» в момент пересечения им границы между Россией и Курляндией. Однако, кроме общесимволического смысла, в тексте «За рубежом» мотиву пересечения границы придается четко выраженное политическое значение – это перемещение из мира несвободной царской России в менее поднадзорное пространство. Даже верно-подданные попутчики рассказчика, «бесшабашные советники» с говорящими именами «Удав» и «Дыба», которые заставляли всех трепетать от страха, проникаются мыслью, «что, по выезде из Эйткунена, даже по расписанию положено либеральничать...» [21. С. 30], т.е. здесь, как и К.А. Скальковского, пересечение границы ассоциируется с переходом к новой степени свободы. Но одновременно с этим вносится мотив опасности чужого пространства – мотив, не наблюдавшийся у авторов первой половины XIX в.: «...всех нас... в Вержболове обыскали и, по сделании надлежащих отметок, переправили, как в старину певалось, «в гости в братьям пруссакам». Но нынешние братья пруссаки уж не те, что прежде были, и приняли нас не как “гостей”, а как данников» [21. С. 11]. Русские путешественники, едущие в поезде, испытывают тревогу: «...каким-то нас курсом батюшка-Берлин наградит» [21. С. 12].

Эта же военно-политическая грань восприятия немецкой границы рассматривается вслед за М.Е. Салтыковым-Щедриним и Н.А. Лейкиным. Он тоже описывает пограничный локус, вокзал в «Эйткунене», как некий символический пункт перехода из русского (Своего) в немецкое (Чужое) пространство. Это маркируется как через визуальные («пруссский орел, изображенный на щите, прибитом к столбу», «вывески со стрелами и с надписями “Herren”, “Damen”»), так и слуховые образы («послышалась немецкая речь» [33. С. 1]). Образ границы охватывает всю Германию в целом, поскольку герои воспринимают пространство данной страны как границу с Европой: «...немец всегда на границе стоит. Помимо немца ни в какую чужую землю не проедешь» [33. С. 2]. В дополнение к этому с самого начала в повествование о Германии вносится мотив таящейся опасности через изображение двух «откормленных» немцев «в черных военных плащах с множеством пуговиц по правую и по левую сторону груди

и в касках со штыками» [33. С. 2], олицетворяющих немецкую власть. Образ немецкой враждебности (и одновременно скрытое сопоставление с Францией) вводится через мотив отрицательного отношения немцев к французскому языку, причем подается он в травестийной, грубо-упрощенной форме: «Как тут в немецкой земле по-французски! Здесь за французский язык в участок могут сволочь. Немец страх как француза не любит. Ему француз – что таракан во щах» [33. С. 2]. Если у М.Е. Салтыкова-Щедрина немцы досматривают русских путешественников «весьма деликатно» [21. С. 11], то у Н.А. Лейкина с чувствами супругов Ивановых стражи порядка на вокзале не считаются, приказывая им отдать паспорта и даже разъединяя их. В дополнение к этому, муж, опасаясь ареста, не разрешает жене изъясняться по-французски. Также в лейкинском тексте сопоставление французов с немцами в лиминальной ситуации актуализируется. При пересечении границ между немецким и французским пространством чета Ивановых, перемещаясь туда и обратно по оси «Россия–Германия–Франция», каждый раз отмечает различия между народами: «Французы удивительно учтивый народ. Разве можно их сравнить с немцами!» [33. С. 130]; «...опять Неметчина началась <...> Повсюду немецкий язык и самые серьезные рожи. – Пока был французский язык, рожи были веселые, а как заговорили по-немецки – все нахмурилось»⁵ [33. С. 434].

Как видим, в тексте Н.А. Лейкина мотив немецкой угрозы показан более определенно, чем в путевых заметках М.Е. Салтыкова-Щедрина, что является подтверждением изменений в восприятии русскими Германии. Не случайно лейкинские герои стараются как можно быстрее пересечь транзитное пространство Германии, покинуть его пределы: «Только бы переночевать, да вон скорей из этой земли!..» [33. С. 78]. Сравните это с фрагментом из путевых заметок М.Е. Салтыкова-Щедрина о чувствах, охватывающих иностранца при приближении к Берлину: «...иностранец чувствует, что на него

⁵ В поэме И.П. Мятлева мадам Курдюкова относительно «гран дюк де Баден», чьей резиденцией являлся Мангейм, замечает, что этот немецкий правитель был выбран Наполеоном в качестве «швейцара де ла Франс» [27. С. 455]. Таким образом, сам Мангейм имплицитно уподобляется воротам Франции в за Рейнскую Европу.

пахнуло скукой, офицерским самодовольством и коллекцией неприятных подолов из Орфеума. И так как ни то, ни другое, ни третье не заключает в себе ничего привлекательного, то путник спешит в первую попавшуюся гостиницу, чтоб почиститься и выспаться, и затем нимало не медля едет дальше» [21. С. 50]. Пространство Германии у М.Е. Салтыкова-Щедрина не только транзитно и скучно, как в произведении Ф.М. Достоевского, но еще и опасно-агрессивно, как в лейкинском тексте, поэтому покидание Берлин является счастьем: «Каждому удаляющемуся экипажу так и хочется крикнуть вслед: счастливец! ты, конечно, оставляешь Берлин навсегда!» [21. С. 50].

Наконец, в травелоге А.Т. Аверченко мотив пересечения границы и вовсе низведен в сферу глоттонического, которая подается сниженно-комически. Один из русских героев путешественников, Крысаков, при подъезде к Германии «лаконично» замечает: «Тут пьют пиво», — что порождает у его спутников немедленный отклик: «И мы, покорные обычаям приютившей нас страны, принялись поглощать в неимоверном количестве этот национальный напиток» [22. С. 342].

В заключение темы следует сделать несколько замечаний о внутренних границах Германии. Они, безусловно, также отмечались путешественниками. В особенности это касалось текстов конца XVIII – первой половины XIX в., когда территория Германия представляла собой своего рода «лоскутное одеяло», составленное из множества отдельных больших и малых земель. Последние, как уже говорилось выше в связи с письмами Д.И. Фонвизина, воспринимались как лоскусы, не обладающие в полной мере субстанциональностью. При пересечении значительных по размеру германских земель авторы травелогов фиксировали их взаимные отличия. Так, «немецкий» фрагмент «Писем русского путешественника» в значительной степени определяется противопоставлением Саксонии и Пруссии как Аркадии и неАркадии соответственно [34. С. 59]. Вообще, для карамзинского текста характерна описательная градация⁶ немецких земель с нарастанием аркадской символики земного рая по мере продвижения автора на условный юго-запад: Курляндия представляется русскому путешественнику лучше Лифляндии; Пруссия кажется лучше

⁶ Градуальность, напомним, свойственна и описанию германских земель Д.И. Фонвизиним.

Курляндии («...земля в Пруссии еще лучше обработана, нежели в Курляндии...» [24. С. 14]); Саксония, в свою очередь, – лучше Пруссии («...земля здесь, кажется, лучше обработана, нежели в Бранденбурге» [24. С. 50]). Наконец, прирейнские земли, в окрестностях Мангейма, воплощают в себе райские коннотации в наибольшей степени: «...сию верхнюю часть Германии можно назвать земным раем» [24. С. 91]. Кроме того, русский путешественник иронически отзывается о чрезмерных «пруссских допросах», которые ожидают вояжеров на городских границах: «Во всяком городке и местечке останавливают проезжих при въезде и выезде, и спрашивают, кто, откуда и куда едет?» [24. С. 31]. Этот контроль за границами был установлен Фридрихом Великим, который, «живучи в Потсдаме, хотел знать обо всех приезжих» [24. С. 41]. Данную эпоху застал еще В.Н. Зиновьев. В тексте последнего Потсдам предстает как город-тюрьма, вокруг которого «нарочно стены возведены, чтобы беглых чрез оные удерживать, часовые так часто расставлены около оных, что, кажется, возможности нет бежать...» [15. С. 337]. Но во времена карамзинского путешествия традиция контроля границ уже не воспринимается всерьез прусскими офицерами: «Иные в шутку сказываются смешными и разными именами, т.е. при въезде одним, а при выезде другим...» [24. С. 31].

Но уже в мятлевском травелогe 1830-х гг. «раздел» между германскими территориями проходит скорее по линии «городское – негородское (природное и рустикальное) пространства», где первому элементу госпожой Курдюковой приписываются в основном положительные коннотации, а второму – скорее отрицательные. Кроме того, героиня отмечает постепенное стирание внутренних границ между германскими землями в постнаполеоновскую эпоху, замечая, что в Мюнстере есть таможня, «но... лишь ее переступи, и тогда спокойно спи! Ты нигде не потревожен: нет уж более таможен, хоть раздел Германьи *тель*, что в ней тридевять земель» [27. С. 75–76]. Вообще, госпожа Курдюкова выступает за отмену таможенного досмотра и открытие границ для путешественников по всей Германии: «...не лучше ли... если *бла дуань* <...> открыли бы *ла порт* всем, кто едет для *плезира*, как свободный житель мира...» [27. С. 50].

В связи с усиливавшимся стремлением немцев к объединению и, в частности, с имперскими амбициями Пруссии, приведшими к воз-

никновению в Центральной Европе нового государства, вобравшего в себя значительную часть немецких земель, различия между последними в русских текстах второй половины XIX в. постепенно стирается. Отголоски противоречий между Пруссией и другими землями и, соответственно, деление Германии на Пруссию и неПруссию еще встречаются в тексте М.Е. Салтыкова-Щедрина, когда Мальчик без штанов упрекает пруссаков: «Даже свои “объединенные” немцы – и тех тошнит от вас, “объединителей”» [21. С. 41]; «...в настоящее время для доброй половины Германии Берлин не только не симпатичен, но даже прямо неприятен. Он у всех что-нибудь отнял и ничем за отнятое не вознаградил» [21. С. 56]. Однако к началу XX в. внутреннее деление Германии постепенно размывается: немецкие земли воспринимаются как единое государство. Правда, еще в рассказе С. Черного «Храбрая женщина» мы встречаемся с самохарактеристикой героя, что он «немец. Но не пруссак» [35. С. 105]. Но, например, в тесте К.А. Скальковского внутригерманские границы становятся скорее симулякром, юмористически обыгранным «пустым местом», характеризующим не столько само пространство Германии, сколько кругозор русского туриста, «одного химика», который «тридцать лет ездил по Германии, но сделал лишь одно наблюдение, что горничные в гостиницах в Северной Германии носят панталоны, а в Южной – нет. Где идет граница этого “Севера” и “Юга”, мне почтенный ученый не сообщил...» [32. С. 383].

Таким образом, «лиминальные» пространственные описания Германии в русской словесности конца XVIII – начала XX в. предстают в нескольких вариантах. Первый из них воплощает образ границы как некоего синкретического и транзитного локуса между Россией и Германией, т.е. между Своим и Чужим соответственно. Здесь черты этого Своего и Чужого оказываются смешаны (например, карамзинская Лифляндия или Курляндия К.А. Скальковского).

Во-вторых, граница может представлять как некий пункт-точка, достижение которого помещает повествователя / героя в новое пространство. Это, например, Травемюнд при морском вояже или Эйдкунен при путешествии по железной дороге. В связи с описанием этого условного пункта в литературе путешествий можно выделить несколько традиций. Одна из них заложена «Письмами русского путешественника» Н.М. Карамзина, когда путешественник остро

переживает состояние своего перехода в пространство Чужого, испытывая эмоциональный подъем. Со временем, однако, этот «приступ топофилии» становится объектом травестийной игры, осмеяния литературной традиции, например в мятлевской поэме. Топофилия, интерес к Чужому, также может подпитываться ощущением попадания в более свободный, чем Россия, локус, что маркирует Германию и Западную Европу в целом как пространства свободы (в травелогах К.А. Скальковского, М.Е. Салтыкова-Щедрина).

Другим вариантом реакции путешественника на пересечение границы Германии является фрустрация, которая ощущается, в частности, в фонвизинских зарубежных письмах. Их автор испытывает разочарование из-за того, что пространство Чужого оказывается не таким, как он его себе представлял. Достижение каждого нового пункта в путешествии порождает у Д.И. Фонвизина ощущение неподлинности пространства Германии как воплощения европейского Чужого.

Отсюда возникает третий вариант немецкого лиминального локуса, когда вся Германия становится границей, транзитным, скучным, семиотически пустым местом на пути к «настоящей» Европе, например Франции (тексты Д.И. Фонвизина, Ф.М. Достоевского и др.). Это же, возможно, обуславливает и восприятие немецкой нации как нечто усредненного, народа без ярко выраженных свойств. Кроме того, ситуация пересечения границы с Германией также может тривиализироваться, теряя свою семиотическую значимость, как в травелоге А.Т. Аверченко.

Наряду с топофилией, фрустрацией и равнодушием по отношению к пространству Чужого в текстах о границах Германии второй половины XIX в. актуализируется мотив топофобии – страха перед Чужим в его варианте новой германской империи, порождающей образы скрытой или явной угрозы, агрессии, например в текстах М.Е. Салтыкова-Щедрина, Н.А. Лейкина.

Наконец, в травелогах, относящихся к началу рассматриваемого нами периода, сильнее маркированными оказываются внутренние границы между отдельными землями Германии, тогда как к началу XX в. образы внутригерманских границ блекнут и тривиализируются.

В соответствии с вышесказанным можно констатировать, что немецкие границы в текстах русских писателей XIX в. представляют

собой весьма синтетические и многозначные образы, задавая модусы описания всего немецкого пространства в целом в зависимости от различного рода установок тех или иных авторов и выступая «сильным местом» текста.

Литература

1. *Вульф Л.* Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М.: Новое литературное обозрение, 2003. 549 с.
2. *Тюпа В.И.* Мифологема Сибири: к вопросу о «сибирском тексте» русской литературы // Сибирский филологический журнал. 2002. № 1. С. 28–35.
3. *Багно В.Е.* Россия и Испания: общая граница. СПб.: Наука, 2006. 476 с.
4. *Мароши В.В.* Лиминальные нарративные ситуации в книге Э. Лимонова «Смрт» // Феномен пограничной зоны в литературе и культуре: сб. науч. работ. Новосибирск: НГПУ, 2014. С. 149–157.
5. *Якушенков С.Н.* На границе тучи ходят хмуро, край суровый тишиной объят // Журнал фронтирных исследований. 2016. № 4. С. 7–32.
6. *Стенина В.Ф.* Сибирь А.П. Чехова: лиминальный хронотоп в рассказе «Мечты» // Геопоэтика Сибири и Алтая в отечественной литературе XIX–XX веков: сб. науч. ст. Барнаул: АлтГПУ, 2017. С. 62–68.
7. *Лотман Ю.М.* Внутри мыслящих миров. Человек-Текст-Семiosфера-История. М.: Языки русской культуры, 1999. 464 с.
8. *Лотман Ю.М.* О семiosфере // Лотман Ю.М. Избранные статьи: в 3 т. Таллин: Александра, 1992. Т. 1. С. 11–24.
9. *Чеснялис П.А.* Лиминальные ситуации в адамистической лирике Владимира Нарбуга // Феномен пограничной зоны в литературе и культуре: сб. науч. работ. Новосибирск: НГПУ, 2014. С. 174–181.
10. *Козлов С.А.* Русские путешественники Нового времени: имперский взгляд или восприятие космополита? // Beyond the Empire: Images of Russia in the Eurasian Cultural Context / ed. by M. Tetsuo. Sapporo: SRC, 2008. С. 133–147.
11. *Шенле А.* Подлинность и вымысел в авторском самосознании русской литературы путешествий 1790–1840 / пер. с англ. Д. Соловьева. СПб.: Академический проект, 2004. 272 с.
12. *Морозова Н.Г.* Грани восприятия Германии в контексте русской литературы «путешествий» // Филология и человек. 2008. № 2. С. 9–17.
13. *Филиппова Т.А.* Немцы – это только повод. Риторика образа врага (по материалам журнала «Новый Сатирикон») // Копелевские чтения 2007. Россия и Германия: диалог культур: сб. ст. Липецк: ЛГПУ, 2008. С. 122–130.
14. *Фонвизин Д.И.* Собр. соч.: в 2 т. М.; Л.: Художественная литература, 1959. Т. 2. 742 с.
15. *Зиновьев В.Н.* Журнал путешествия по Германии, Италии, Франции и Англии (1784–1785) // Россия и Запад: горизонты взаимопознания. Вып. 3: Ли-

тературные источники последней трети XVIII века. М.: ИМЛИ РАН, 2008. С. 335–380.

16. *Лубяновский Ф.П.* Путешествие по Саксонии, Австрии и Италии в 1800, 1801 и 1802 годах: в 3 ч. СПб.: Медицинская типография, 1805. Ч. 1. 230 с.

17. *Herrmann D.* Denis Fonvizin: Ironie und Tadel // *Deutsche und Deutschland aus russischer Sicht. Bd. 2: 18. Jahrhundert: Aufklärung / hrsg. Von D. Herrmann.* München: Wilhelm Fink, 1992. S. 413–448.

18. *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1973. Т. 5. 408 с.

19. *Максимов С.М.* В кают-компани. Из путевых воспоминаний // *Русское слово.* 1862. № 1. С. 1–26.

20. *Оболенская С.В.* Германия и немцы глазами русских (XIX в.). М.: ИВИ РАН, 2000. 210 с.

21. *Салтыков-Щедрин М.Е.* Собрание сочинений: в 20 т. М.: Художественная литература, 1972. Т. 14. 704 с.

22. *Аверченко А.Т.* Собрание сочинений: в 13 т. М.: Дмитрий Сечин, 2012. Т. 2. 464 с.

23. *Балдин А.Н.* Протяжение точки: литературные путешествия. Карамзин и Пушкин. М.: Эксмо, 2009. 576 с.

24. *Карамзин Н.М.* Письма русского путешественника. Л.: Наука, 1987. 716 с.

25. *Соливетти К., Марченков А.* Путешествие к сердцу Европы: «Письма русского путешественника» Н.М. Карамзина // *Россия – Италия – Германия: литература путешествий.* Томск: ТГУ, 2013. С. 344–368.

26. *Лебедева О.Б.* Alter ego как имагологический объект: нарративная структура «Писем русского путешественника» Н.М. Карамзина в свете национальной повествовательной традиции // *Имагология и компаративистика.* 2015. № 1. С. 5–28.

27. *Мятлев И.П.* Сенсации и замечания госпожи Курдюковой за границею, дан л'этранже: в 2 т. СПб.: Издание А.С. Суворина, 1904. Т. 1. 394 с.

28. *Корсаков С.А.* Рассказ о путешествии по Германии, Голландии, Англии и Франции Н.А. Корсакова в 1839 году. М.: Типография Н. Эрнста, 1844. 111 с.

29. *Добролюбов Н.А., Некрасов Н.А.* Отъезжающим за границу // *Свисток.* Собрание литературных, журнальных и других заметок. М.: Наука, 1981. С. 140–141.

30. *Скальковский К.А.* Воспоминания молодости: (По морю житейскому): 1843–1869. СПб.: Типография А.С. Суворина, 1906. 410 с.

31. *Скальковский К.А.* Путевые впечатления в Испании, Египте, Аравии и Индии: 1869–1872. СПб.: Типография т-ва «Общественная польза», 1873. 323 с.

32. *Скальковский К.А.* Там и сям: Заметки и воспоминания. СПб.: Типография А.С. Суворина, 1901. 465 с.

33. *Лейкин Н.А.* Наши за границей. Юмористическое описание поездки супругов Николая Ивановича и Глафиры Семеновны Ивановых. В Париж и обратно. СПб.: Тип. С.Н. Худекова, 1892. 472 с.

34. Жданов С.С. Идиллический образ Германии в русском сентиментализме рубежа XVIII–XIX веков (на материале произведений Н.М. Карамзина и Ф.П. Лубяновского) // Сибирский филологический журнал. 2018. № 2. С. 53–66.

35. Черный С. Собрание сочинений: в 5 т. М.: Эллис Лак, 1996. Т. 4. 432 с.

German Borders and Germany as a Boundary: Images of the Liminal Space in the Russian Literature of the Late 18th – Early 20th Centuries

Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies, 2020, 14, pp. 186–209. DOI: 10.17223/24099554/14/9

Sergey S. Zhdanov, Siberian State University of Geosystems and Technologies (Novosibirsk, Russian Federation), Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: fstud2008@yandex.ru

Keywords: Germany, German characters, boundary; liminality, image of the Other, literary space, travelogue, Russian literature.

The paper examines the spatial images of German borders in the Russian literature of the late 18th – early 20th centuries. These ‘liminal’ descriptions of Germany come in several variations. The first is the image of the boundary as a syncretic and transit locus between Russia and Germany, i.e. between Us and Them respectively. Their features are mixed there as in cases of Karamzin’s Livonia or Skalkovsky’s Kurland. Secondly, the boundary can be presented as a certain point, reaching which the narrator / hero finds themselves in a new space, for example, Travemünde during a sea voyage or Eydtkuhnen when traveling by rail. The description of this conventional point follows several traditions in the travel literature. One was set up by N.M. Karamzin’s *Letters of a Russian Traveler*”, when the voyager is aware of his transition into Their space and experiences an emotional uplift. Over time, however, this “attack of topophilia” becomes the object of a travesty game and ridicule of the literary tradition, as, for example, in Myatlev’s poem “Sensations and Comments by Madame Kurdyukova Abroad, Dans L’etranger”. Topophilia, interest in the Other, can also be encouraged by the feeling of getting into a more free locus, which marks Germany in particular and Western Europe in general as spaces of freedom (in the travelogues by K.A. Skalkovsky, M.E. Saltykov-Shchedrin). Another variant of a Russian traveler’s reaction to crossing the German border is frustration, which is felt in Fonvizin’s letters abroad. Their author feels disenchantment With each new point on the journey, D.I. Fonvizin feel inauthentic German space as the embodiment of the European Other. This generates a third variant of the German liminal locus, when the entire Germany becomes a border, a transitory, boring, semiotically empty place on the way to real Europe, for example, France (texts by D.I. Fonvizin, F.M. Dostoevsky and others). Probably, it determines the perception of the German nation as an average nation without any strongly pronounced characteristics. In addition, the situation of crossing the border with Germany can also be trivialized as opposed to Karamzin’s tradition, as in A.T. Averchenko’s travelogue. Along with topophilia, frustration and indifference in texts about the borders of Germany in the second half of the 19th cen-

tury describe the motif of topophobia, fear of the Other in its version of the new German Empire, generating images of a latent or obvious threat, aggression, for example, in the texts by M.E. Saltykov-Shchedrin, N.A. Leikin. Finally, early travelogues of this period emphasise the internal borders between German lands, while by the early 20th century the images of the internal German borders fade and become trivial.

References

1. Wolff, L. (2003) *Izobretaya Vostochnuyu Evropu: karta tsivilizatsii v soznanii epokhi Prosveshcheniya* [Inventing Eastern Europe: The Map of Civilization in the Minds of the Enlightenment]. Translated from English by I. Feduykin. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
2. Tyupa, V.I. (2002) Mifologema Sibiri: k voprosu o "sibirskom tekste" russkoy literatury [Mythologeme of Siberia: on the question of the "Siberian text" of Russian literature]. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 1. pp. 28–35.
3. Bagno, V.E. (2006) *Rossiya i Ispaniya: obshchaya granitsa* [Russia and Spain: a common border]. St. Petersburg: Nauka.
4. Maroshi, V.V. (2014) Liminal'nye narrativnye situatsii v knige E. Limonova "Smrt" [Liminal narrative situations in E. Limonov's "Smrt"]. In: Konstantinova, N.V. & Pecherskaya, T.I. (eds) *Fenomen pogranichnoy zony v literature i kul'ture* [The Phenomenon of the Border Zone in Literature and Culture]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University. pp. 149–157.
5. Yakushenkov, S.N. (2016) Na granitse tuchi khodyat khmuro, kray surovyy tishinoy ob'yat [Clouds go gloomily on the border. The austere land is gripped by silence]. *Zhurnal frontirnykh issledovaniy – Journal of Frontier Studies*. 4. pp. 7–32.
6. Stenina, V.F. (2017) Sibir' A.P. Chekhova: liminal'nyy khronotop v rasskaze "Mechty" [A.P. Chekhov's Siberia: a liminal chronotope in "Dreams"]. In: Kulyapin, A.I. (ed.) *Geopoetika Sibiri i Altaya v otechestvennoy literature XIX – XX vekov* [Geopoetics of Siberia and Altai in Russian literature of the 19th – 20th centuries]. Barnaul: Altai State Pedagogical University. pp. 62–68.
7. Lotman, Yu.M. (1999) *Vnutri myslyashchikh mirov. Chelovek-Tekst-Semiosfera-Istoriya* [Inside thinking worlds. Man–Text–Semiosphere–History]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
8. Lotman, Yu.M. (1992) *Izbrannye stat'i: v 3 t.* [Selected articles: in 3 volumes]. Vol. 1. Tallin: Aleksandra. pp. 11–24.
9. Chesnyalis, P.A. (2014) Liminal'nye situatsii v adamisticheskoy lirike Vladimira Narbuta [Liminal situations in the adamistic lyrics of Vladimir Narbut]. In: Konstantinova, N.V. & Pecherskaya, T.I. (eds) *Fenomen pogranichnoy zony v literature i kul'ture* [The Phenomenon of the Border Zone in Literature and Culture]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University. pp. 174–181.
10. Kozlov, S.A. (2008) Russkie puteshestvenniki Novogo vremeni: imperskiy vzglyad ili vospriyatие kosmopolita? [Russian travelers of the New Age: an imperial

outlook or the perception of a cosmopolitan?]. In: Tetsuo, M. (ed.) *Beyond the Empire: Images of Russia in the Eurasian Cultural Context*. Sapporo: SRC. pp. 133–147.

11. Chenle, A. (2004) *Podlinnost' i vymysel v avtorskom samosoznanii russkoy literatury puteshestviy 1790–1840* [Authenticity and Fiction in the Russian Literary Journey. 1790–1840]. Translated from English by D. Solovieva. St. Petersburg: Akademicheskii projekt.

12. Morozova, N.G. (2008) Grani vospriyatiya Germanii v kontekste russkoy literatury “puteshestviy” [Facets of Germany’s Perception in the Context of Russian Travel Literature]. *Filologiya i chelovek*. 2. pp. 9–17.

13. Filippova, T.A. (2008) Nemtsy – eto tol’ko povod. Ritorika obraza vraga (po materialam zhurnala “Novyy Satirikon”) [The Germans are just an excuse. Rhetoric of the image of the enemy (based on the materials of the magazine “Novyy Satirikon”)]. In: Boroznyak, A.I. & Tsarkova, V.B. (eds) *Kopelevskie chteniya 2007. Rossiya i Germaniya: dialog kul'tur* [The Kopelev Readings 2007. Russia and Germany: dialogue of cultures]. Lipetsk: Lipetsk State Pedagogical University. pp. 122–130.

14. Fonvizin, D.I. (1959) *Sobranie sochineniy: v 2 t.* [Collected Works. In 2 vols]. Vol. 2. Moscow; Leningrad: Khudozhestvennaya literatura.

15. Zinoviev, V.N. (2008) Zhurnal puteshestviya po Germanii, Italii, Frantsii i Anglii (1784–1785) [Travelogues in Germany, Italy, France and England (1784–1785)]. In: Bludilina, N.D. (ed.) *Rossiya i Zapad: gorizonty vzaimopoznaniya* [Russia and the West: horizons of mutual knowledge]. Vol. 3. Moscow: RAS. pp. 335–380.

16. Lubyansky, F.P. (1805) *Puteshestvie po Saksanii, Avstrii i Italii v 1800, 1801 i 1802 godakh: v 3-kh ch.* [Travel in Saxony, Austria and Italy in 1800, 1801 and 1802: in 3 parts]. St. Petersburg: Meditsinskaya tipografiya.

17. Herrmann, D. (1992) Denis Fonvizin: Ironie und Tadel. In: Herrmann, D. (ed.) *Deutsche und Deutschland aus russischer Sicht*. Vol. . Munich: Wilhelm Fink. pp. 413–448.

18. Dostoevsky, F.M. (1973) *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 t.* [Complete Works: in 30 vols]. Vol. 5. Leningrad: Nauka.

19. Maksimov, S.M. (1862) V kayut-kompanii. Iz putevykh vospominaniy [In the wardroom. From travel memories]. *Russkoe slovo*. 1. pp. 1–26.

20. Obolenskaya, S.V. (2000) *Germaniya i nemtsy glazami russkikh (XIX v.)* [Germany and the Germans through the eyes of the Russians (19th century)]. Moscow: RAS.

21. Saltykov-Shchedrin, M.E. (1972) *Sobranie sochineniy: v 20 t.* [Collected Works: in 20 volumes]. Vol. 14. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.

22. Averchenko, A.T. (2012) *Sobranie sochineniy: v 13 t.* [Collected Works: in 13 vols]. Vol. 2. Moscow: Dmitriy Sechin.

23. Baldin, A.N. (2009) *Protyazhenie tochki: literaturnye puteshestviya. Karamzin i Pushkin* [The Point Stretch: Literary Travel. Karamzin and Pushkin]. Moscow: Eksmo.

24. Karamzin, N.M. (1987) *Pis'ma russkogo puteshestvennika* [Letters of a Russian traveler]. Leningrad: Nauka.

25. Solivetti, K. & Marchenkov, A. (2012) Puteshestvie k serdtsu Evropy: "Pis'ma russkogo puteshestvennika" N.M. Karamzina [Journey to the Heart of Europe: "Letters of a Russian Traveler" by N.M. Karamzin]. In: Yanushkevich, A.S. (ed.) *Rossiya – Italiya – Germaniya: literatura puteshestviy* [Russia – Italy – Germany: travel literature]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 344–368.
26. Lebedeva, O.B. (2015) Alter ego as an object of imagology: the narrative structure of Letters of a Russian Traveler by N.M. Karamzin in the light of the national narrative tradition. *Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies*. 1. pp. 5–28. (In Russian). DOI: 10.17223/24099554/3/1
27. Myatlev, I.P. (1904) *Sensatsii i zamechaniya gospozhi Kurdyukovoy za granitseyu, dan l'etranzhe: v 2 t.* [Sensations and Comments by Madame Kurdyukova Abroad, Dans L'etranger]. Vol. 1. St. Petersburg: A.S. Suvorin.
28. Korsakov, S.A. (1844) *Rasskaz o puteshestvii po Germanii, Gollandii, Anglii i Frantsii N.A. Korsakova v 1839 godu* [A story about a trip to Germany, Holland, England and France by N.A. Korsakov in 1839]. Moscow: Tipografiya N. Ernsta.
29. Dobrolyubov, N.A. & Nekrasov, N.A. (1981) Ot'ezhayushchim za granitsu [Those leaving abroad]. In: *Svistok. Sbranie literaturnykh, zhurnal'nykh i drugikh zametok* [Whistle. Collection of literary, magazine and other notes]. Moscow: Nauka. pp. 140–141.
30. Skalkovsky, K.A. (1906) *Vospominaniya molodosti: (Po moryu zHITEYSKOMU): 1843–1869* [Memories of Youth: (On the Sea of Life): 1843–1869]. St. Petersburg: A.S. Suvorin.
31. Skalkovsky, K.A. (1873) *Putevye vpechatleniya v Ispanii, Egipte, Aravii i Indii: 1869–1872* [Travel impressions in Spain, Egypt, Arabia and India: 1869–1872]. St. Petersburg: Obshchestvennaya pol'za.
32. Skalkovsky, K.A. (1901) *Tam i syam: Zametki i vospominaniya* [Here and There: Notes and Memories]. St. Petersburg: A.S. Suvorin.
33. Leykin, N.A. (1892) *Nashi zagranitsey. Yumoristicheskoe opisaniye poezdki suprugov Nikolaya Ivanovicha i Glafiry Semenovny Ivanovykh. V Parizh i obratno* [Ours abroad. A humorous description of the trip of the spouses of Nikolai Ivanovich and Glafira Semyonovna Ivanov. To Paris and back]. St. Petersburg: S.N. Khudekov.
34. Zhdanov, S.S. (2018) Idyllic image of Germany in Russian sentimentalism at the turn of the 19th century (based on N.M. Karamzin's and F.P. Lubyanovsky's works). *Sibirskiy filologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 2. pp. 53–66. (In Russian). DOI: 10.17223/18137083/63/5
35. Chernyy, S. (1996) *Sobranie sochineniy: v 5 t.* [Collected Works: in 5 vols]. Vol. 4. Moscow: Ellis Lak.